

РЕКОНФИГУРАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ЗЕРКАЛЕ ДИСКУССИЙ О ВЫБОРЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Е. Н. Смирнов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Целью настоящей статьи является исследование ключевых аспектов нестабильного развития мировой экономики на современном этапе. Контекст международных экономических отношений изменяется ввиду обострения торговых конфликтов, замедления экономического роста и поиска путей сбалансированной эффективной торговой и экономической политики. Показан ряд проблем, обусловленных шоками развития мирового хозяйства, в частности таких, как проблема бедности и усиления неравномерности в распределении доходов в общемировом масштабе; высокая долговая нагрузка развитых стран и нестабильное состояние их государственных финансов; значительная степень неопределенности зарубежных интересов крупного корпоративного капитала США в условиях растущей технологической конкуренции. Доказано, что в ряде аспектов реконфигурации мировой экономики Китай будет играть ключевую роль. Это во многом зависит от ряда возможностей этой страны по преодолению различных экзогенных шоков, либерализации национального рынка услуг, а также от формирования альтернативных региональных торговых соглашений и нивелирования негативного воздействия токсичных тарифов и валютных проблем, возникающих в результате торгового конфликта с США. В целом в мире имеется значительная неопределенность с дальнейшим мультилатерализмом, формированием новых полюсов экономического развития и необходимостью реформирования сложившейся системы глобального экономического регулирования, которая все в большей степени будет акцентировать внимание на проблемах защиты инвестиций, интеллектуальной собственности и окружающей среды, субсидировании и регулировании международной торговли цифровыми товарами и услугами.

Ключевые слова: экономический рост, торговый конфликт, глобальное экономическое регулирование, международная торговля, прямые иностранные инвестиции.

RECONFIGURATION OF THE WORLD ECONOMY IN A MIRROR OF DISCUSSIONS ABOUT THE CHOICE OF EFFECTIVE TRADE AND ECONOMIC POLICY

Evgenii N. Smirnov

The State University of Management, Moscow, Russia

The purpose of this article is the research the key aspects of the unstable development of the world economy at the present stage. The context of international economic relations is changing in view of the escalation of trade conflicts, the slowdown in economic growth and the search for

balanced effective trade and economic policies. A number of problems arising from the shocks of economic development are shown, in particular the problem of poverty and increasing inequality in the distribution of income on a global scale: the problem of the high debt of developed countries and the unstable conditions of their public finances; a significant degree of uncertainty over the foreign interests of large corporate capital of the United States in the context of growing technological competition. It was proved that China's role in a number of aspects of the world economy 's reconfiguration will depend on a number of its capabilities to overcome various exogenous shocks, liberalize the national services market, form alternative regional trade agreements, and offset the negative impact of toxic tariffs and currency problems arising from the trade conflict with the United States. In general, there is considerable uncertainty in the world, with further multilateralism, the formation of new poles of economic development and the need to reform the established system of global economic regulation, which will increasingly focus on the protection of investment, intellectual property and the environment, subsidizing and regulating international trade in digital goods and services.

Keywords: economic growth, trade conflict, global economic regulation, international trade, foreign direct investments.

Современные тенденции развития международных экономических отношений все больше свидетельствуют о том, что мировая экономика постепенно вступает в фазу реконфигурации. Свидетельством тому, помимо традиционных барьеров [2], проявляющихся в современном мировом хозяйстве, новые ограничения (например, по поводу миграционных потоков, трансферта технологий, прямых зарубежных инвестиций), которые в ближайшее время могут выступить важнейшим негативным фактором деформации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в международном производстве, уже и так испытывающих трансформацию под влиянием крупных компаний [5. – С. 44]. Последнее является угрозой замедления глобального экономического роста, дополняемого увеличением инфляции (стагфляции) уже в краткосрочной перспективе.

Шоки современной мировой экономики

Вышеуказанными обстоятельствами проблемы мировой экономики не ограничиваются. Ее нестабильность может иметь далеко идущие социальные последствия. В частности, речь идет о глобальной проблеме бедности, в борьбе с которой за период 2001–2019 гг. достигнут серьезный прогресс: число стран с низким уровнем дохода (меньше 995 долларов) уменьшилось с 64 до 34. Экономический рост стал ключевым фактором преодоления бедности: в 32 странах, перешедших из группы стран с низким доходом в группу стран со средним доходом, среднегодовой темп роста экономики составил 6% [15]. Этот рост был в основном обусловлен сырьевым бумом в развивающихся странах, которые улучшили свои позиции на внешних рынках; переходом ряда стран Центральной и Восточной Европы к рыночной экономике; принятием ряда инициатив по сни-

жению бремени внешнего долга в разных странах, что позволило им стабилизировать государственные финансы; развитием региональной торговой интеграции, обеспечившей рост экспорта, приток иностранных инвестиций и экономические реформы. При этом страны с более высоким уровнем экономического развития, обусловленным качеством экономической политикой, управлением, благоприятными условиями ведения бизнеса и даже удобным географическим положением, имели больше шансов на высокие темпы экономического роста. В 2001–2015 гг. число людей, живущих в бедности, снизилось на 1/3. Однако в настоящее время бедными остаются самые отсталые аграрные страны, не имеющие внешних (экспортных) возможностей для роста. В этих странах продолжаются военно-политические конфликты, они отягощены высоким бременем внешней задолженности; для них необходимо решать задачу диверсификации экспорта и полноценной интеграции в глобальные торгово-инвестиционные потоки.

На новом витке находится и дискуссия по поводу долговой нагрузки мировой экономики. Большая часть внешнего долга развивающихся стран номинирована в иностранной валюте, однако существуют риски интенсивного развития новых видов займов. Центральные банки имеют все меньше возможностей выступать кредиторами последней инстанции, поэтому финансовые рынки, которые становятся неликвидными, все больше уязвимы перед потенциально опасными резкими спадами (англ. – *flash crash*) [16]. Сюда следует добавить высокий уровень долговой нагрузки, связанной с неопределенным экономическим ростом в Китае и других крупных развивающихся странах, а также накопившийся комплекс различных рисков в Европейском союзе (ЕС). Между тем антикризисные меры развитых стран ограничены: меры поддержки частного сектора и интервенций в денежно-кредитной, бюджетной сферах, успешно применявшиеся после кризиса 2008–2009 гг., уже не могут быть такими эффективными.

В сфере государственных финансов развитых стран также назревает ряд таких серьезных проблем, как например, рост необеспеченных обязательств государства перед системами медицинского страхования и будущими пенсионерами. В США размер таких обязательств уже в два раза превысил валовой внутренний продукт (ВВП) страны [14]. В последние годы США предприняли ряд усилий, нацеленных на укрепление экономического роста, в частности, была проведена налоговая реформа, подписано новое торговое соглашение USMCA между США, Канадой и Мексикой. Один из вызовов экономической политики страны остается в сфере бюджетной политики: по прогнозам правительства США, в краткосрочной перспективе будет наблюдаться существенный рост дефицита федерального бюджета и, как следствие, рост долга (к 2049 г. –

до 144% по базовому и до 291% по альтернативному сценариям) [18]. Высокий уровень бюджетного дефицита вытеснит необходимые для экономического роста частные инвестиции, а высокий долг, с одной стороны, будет требовать все больших расходов бюджета, а с другой – стимулировать рост процентных ставок («долговая спираль»). Аналогичная ситуация наблюдается в Швейцарии и почти во всех наиболее развитых странах ЕС (в частности, в Великобритании, Германии, Франции). Исследователи в качестве выхода из сложившейся ситуации предлагают создавать в странах специализированные фонды социальной помощи, которые будут брать деньги в долг под низкий процент и инвестировать их в фондовые рынки. Это предложение базируется на данных о ряде развитых стран, в которых за истекшие сто лет акции были доходнее государственных облигаций [9].

Ввиду эскалации торгового конфликта, инициированного Д. Трампом, все более непонятно, какова же будет обновляющаяся система международных экономических отношений и как будут учтены интересы крупного корпоративного капитала США – ведущих транснациональных корпораций (ТНК). Фундаментом послевоенного экономического мироустройства стали пересекающиеся между собой три сети международного обмена, сформированные в основном американскими ТНК: торговля товарами и услугами, финансы и инвестиции, информация. Международная торговля товарами и услугами составила в 2017 г. 46 трлн долларов, а оборот мирового валютного рынка превысил это значение в 22 раза. За последние годы стремительно возрос объем глобальных потоков информации, которые по оценкам уже к 2016 г. гораздо значимее воздействовали на ВВП, чем товарная торговля [13].

В США придерживаются мнения, что глобальные потоки разбалансированы не в их пользу, приводя в качестве основного аргумента колоссальный торговый дефицит страны (в 2018 г. – 622 млрд долларов, из которых на Китай приходилось 378 млрд долларов), однако в последнем не учтена зарубежная хозяйственная деятельность американских ТНК. Авторитетные оценки указывают на то, что, например, в 2016 г. зарубежные подразделения ТНК США от продаж на внешних рынках получили 5,8 трлн долларов, а это существенно превосходит как весь американский экспорт (в 2016 г. – 2,2 трлн долларов), так и продажи зарубежных ТНК на рынке США (4,2 трлн долларов) [17]. По продажам на зарубежных рынках у США в 2016 г. сформировался профицит (1,7 трлн долларов), в три раза превышающий дефицит во внешней торговле того же года (502 млрд долларов). Поэтому налицо высокая прибыльность ТНК США (если соотносить зарубежные объемы продаж и объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ), то их выручка превысила капиталовложения в два раза). На Европу приходится немногим меньше половины совокупной мировой выручки американских ТНК (2,8 трлн долларов), а на каждый

доллар капиталовложений в этом регионе ТНК США получили 0,85 долларов продаж. Рынок Азии более прибылен: не него в 2018 г. пришлось почти 40% импорта США и 29% экспорта (дефицит в торговле с Азией составил 507 млрд долларов). Однако на каждый доллар капиталовложений в регионе США получили от продаж 1,8 доллара, что было обеспечено в основном Китаем, где соотношение объемов продаж к ПИИ составило рекордные 355% (это выше рекордного показателя 2009 г. в размере 267%).

В итоге сложился колоссальный дисбаланс: продажи компаний Китая в США (в противовес продажам американских компаний в Китае) мизерны. Поэтому американские ТНК и в дальнейшем будут заинтересованы в китайском рынке, однако в результате эскалации торгового конфликта потери американских ТНК выйдут за пределы рынка Китая. Затягивание торгового конфликта понизит темпы роста мировой экономики и стоимость активов в целом, так как комбинация уменьшения объемов торговли с ростом цен может развернуть в обратную сторону процессы масштабирования экономики (будут падать и прибыли, и инвестиции). И даже снижение ставок со стороны ФРС не сможет выступить компенсирующим инструментом. В сложившихся сетях глобального обмена будет все больше узких мест.

При этом возможные шоки мировой экономики будут стимулировать снижение ставок крупнейшими центральными банками. Рост мировых цен на нефть и обострение торговых войн являются всеобъемлющими рисками как предложения, так и спроса. Рост цен на топливо и параллельный рост темпов потребления приведут к уменьшению располагаемого дохода. Компании в условиях такой неопределенности снизят инвестиции и капитальные затраты. В этих условиях будет запущен механизм начала новой глобальной рецессии даже без мгновенной реакции центральных банков. Несмотря на то что в 2007–2009 гг. реакция центральных банков на шоки была более активной, Великая рецессия не была предотвращена.

Помимо прочего, в прошлом предрецессионном периоде учетная ставка ФРС составляла 5,25, а в настоящее время – на уровне не более 2,5% (в Японии и ЕС ставка уже приблизилась к нулевому уровню). Реализация программ количественного смягчения (англ. – *quantitative easing*, QE) способствовала существенному раздуванию платежных балансов, поэтому сегодняшние возможности центральных банков ограничены, и они в любой момент могут начать масштабную скупку активов. Вместе с тем в период предыдущего кризиса многие страны имели гораздо меньшие, чем сегодня, объемы государственного долга и дефицита бюджета, поэтому у них было меньше возможностей по осуществлению расходов для стимулирования своих экономик. Дополнительными рисками выступают технологическая конкуренция (или даже война) и торговый конфликт между США и Китаем.

Продолжение интернационализации экономики Китая?

В зеркале нынешней реконфигурации, безусловно, одна из определяющих ролей принадлежит Китаю. Начало реализации политики открытости в 1970-е гг. позволило этой стране получить ряд выгод: полноценно интегрироваться в мировое хозяйство, перейти к рынку, избежать нищеты огромным слоям населения. При этом ряд исследований подтверждает, что потенциал Китая еще далеко не исчерпал себя [15]. На Китай приходится, соответственно, 11 и 6% международной торговли товарами и услугами, китайские компании и банки входят в ведущие рейтинги и, что особенно важно, лишь одна пятая их доходов зарабатывается за рубежом (у 500 крупнейших компаний мира эта доля составляет 44%). Вместе с тем после кризиса 2008–2009 гг. произошел некоторый разворот «вектора открытости»: снижение внешнего спроса на экспорт Китая и ускорение роста внутреннего потребления особенно проявились после 2007 г. Однако в период 2007–2018 гг. влияние Китая на остальной мир как экспортера товаров не уменьшилось, а как экспортера капиталов – возросло.

Успехи участия Китая в современных мирохозяйственных связях актуализируют важнейший вопрос направлений развития международного экономического сотрудничества страны в долгосрочной перспективе. По прогнозам, масштабы этого сотрудничества к 2040 г. составят от 22 до 37 трлн долларов (от 15 до 26% мирового ВВП) [19]. В сфере торговли Китай может стать основным импортером товаров и услуг из развитых и развивающихся стран, что позволит ему серьезно продвинуться вперед с точки зрения поддержания экономического роста.

Важные вызовы лежат в сфере экономической политики КНР, которая будет направлена на либерализацию сектора услуг (если Китай сохранит ограничения в сфере услуг, то сохранится и относительный разрыв в производительности; если же он отменит их, то возможно будет привлечь больше иностранных инвесторов и нарастить свою международную конкурентоспособность). Не менее важные вызовы лежат и в плоскости глобализации финансовых рынков: если Китай интегрируется в данной сфере с другими странами, выбор инвесторов расширится, а распределение капитала будет более эффективным; если же, напротив, сохранится сегодняшняя ситуация, то это несет в себе риск низкого роста производительности и волатильности рынков. Глобализация финансовой сферы Китая, несомненно, открывает зарубежные страны для китайских инвестиций. В любом случае дальнейшая интеграция экономики Китая в мировую экономику зависит от взвешенных решений в сфере экономической политики как Китая, так и других зарубежных стран.

В части мер экономической политики, предпринимаемых Китаем из-за обострения торгового конфликта с США, наиболее адекватным от-

ветом Китая становится постепенный отход к альтернативным, двусторонним торговым и инвестиционным партнерствам и соглашениям, в частности, в рамках такого транснационального проекта, как «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative – BRI). Конкуренция США с Китаем наблюдается не только в сфере международной торговли, но и в технологической сфере. При этом 9 компаний Китая и 11 компаний США являются ключевыми технологическими гигантами. В Китае эти компании поддерживаются правительством, а в США – специальными условиями транснациональных торговых соглашений. Под влиянием технологической конкуренции в мире, как отмечают исследователи, формируется новая система конкурентных преимуществ и меняется место отдельных стран в международном разделении труда [4. – С. 57].

Все чаще принято считать, что нарастающая конкуренция США с Китаем является угрозой маргинализации международных экономических и финансовых институтов (МВФ, Всемирного банка, ВТО) [20]. В то же время следует отметить, что обвинения США в адрес Китая являются частично оправданными: это касается и копирования интеллектуальной собственности, и субсидий госкомпаниям, которые искажают справедливую конкуренцию в международной торговле.

Скорость и последствия торгового конфликта между США и Китаем

По всей видимости пока еще речь не идет о прекращении торгового конфликта между США и Китаем, а основные дискуссии разворачиваются вокруг последствий введения тарифов, которые будут иметь тенденцию к усилению. Вместе с тем в США все чаще звучат призывы к отмене введенных за два года «трампономики» тарифов. Последние инфицируют не только международную торговлю: они токсичны и для трансграничных инвестиций. Рост производственных издержек в Китае в последние годы привел к тому, что многие иностранные инвесторы (а также китайские компании) перенесли свое производство в другие страны Юго-Восточной Азии, где издержки ниже. Торговый конфликт лишь ускоряет этот процесс, и инвестиции Китая в другие страны Юго-Восточной Азии растут, а США в Китай – замедляются. Давление со стороны США заключается и в том, что они стремятся вытеснить китайские высокотехнологические компании из действующих ГЦСС.

В целом «трампономика» выступает одной из ключевых угроз для ГЦСС и Китая. Изолируя китайских поставщиков в критически важных звеньях ГЦСС, США заставляют Китай предпринимать действия, которые, учитывая тесную взаимосвязь экономики США и Китая, могут оказаться чрезвычайно дорогостоящими для обеих сторон [7]. Наиболее конструктивным подходом для китайских производителей было бы постро-

ение их собственных ГЦСС в открытой архитектуре, которая бы позволила наиболее эффективным фирмам объединяться и создавать резервы для уменьшения собственной уязвимости.

В то же время односторонний вызов США участию Китая в ГЦСС может побудить Китай играть более активную роль в формировании нового мультилатерализма XXI в. Продолжающаяся торгово-технологическая война может также предоставить Китаю возможность расширить свои производственные сети в Азии, где они в настоящее время недостаточно развиты, и уменьшить свое присутствие в Европе и других странах Запада. Очевидно, это встретит понятное сопротивление со стороны азиатских стран, уже опасющихся роста китайского влияния, однако здесь могут преобладать и чисто экономические интересы. В конечном итоге основная проблема заключается в том, будет ли Китай определять технологические стандарты в Азии и какие последствия это будет иметь для остального мира.

Эксперты считают, что Китаю необходимо готовиться к следующей стадии торгового конфликта – валютной войне [21]. В случае если китайский юань начнет испытывать давление девальвации и центральный банк Китая не вмешается с целью стабилизации его курса к американскому доллару, то США могут обвинить Китай в валютных манипуляциях и ввести финансовые санкции. Финансовые институты Китая в свою очередь не готовы противодействовать таким санкциям. Кроме того, Китай может быть лишен доступа к важным финансовым услугам (справедливости ради отметим, что некоторые китайские банки уже испытывают давление со стороны США). Важным направлением экономической политики для Китая в данной связи должно стать принятие мер по интернационализации своей валюты.

Делая некоторое отступление, отметим, что обсуждение валютных проблем в ракурсе нынешней нестабильности мировой экономики заставляет задуматься о валютных войнах как о неизбежном явлении. В период кризиса 2008–2009 гг. возможность валютных войн широко обсуждалась по причине низких процентных ставок и политики девальвации, развернувшейся в развитых странах под лозунгом восстановления экономического роста. Избежать негативных тенденций в валютной сфере во многом удалось за счет политики количественного смягчения, взятой на вооружение крупными центральными банками. Однако если какая-либо страна стала бы использовать политику протекционизма, проблема валютных войн вновь стала бы актуальной. В свое время после окончания Второй мировой войны стабильность валютных курсов обеспечивалась Бреттон-Вудскими договоренностями, хотя там позиция США была доминирующей, и именно эта страна настаивала на экономическом порядке без торговых войн и пошлин. Другие же страны в то время просто не имели выбора. В сложившейся к настоящему времени ситуации как

раз просматривается желание монетарного доминирования со стороны США в части надзора над денежно-кредитной политикой других стран, в частности Китая. Здесь есть и критика в адрес Германии, сводящаяся к тому, что она якобы имеет дополнительные выгоды ввиду низкого валютного курса, чем у нее был, если бы она имела собственную валюту. В данной связи возникает вопрос: ликвидирует ли единая валюта конкурентную девальвацию валют?

Еще один вопрос, актуализирующийся ввиду распространения новых технологий: возможно ли введение глобальной валюты? Так, уже широко обсуждается проект введения цифровой валюты Libra, которая должна стать не средством финансовых спекуляций, а надежным инструментом обмена (эта валюта может стать полной противоположностью валютам на базе блокчейна, когда процедура майнинга обеспечивает их искусственный дефицит) [10]. Глобальная валюта хороша с точки зрения универсальности, она может быть единой для расчетов за товары, услуги, труд (заработные платы устанавливаются не в национальной валюте). Возможно, что на данной основе может быть обеспечена гибкость зарплат и сократится безработица, а широкое применение глобальной валюты сделает валютные войны маловероятными.

Вызовы для глобального экономического регулирования и торговой политики

Мировые рынки традиционно расширились за счет экономической глобализации и роста скорости распространения новых технологий [1. – С. 54]. Очевидно, что экономическая глобализация и открытость рынков способствуют формированию богатства мирового сообщества, однако это богатство распределяется весьма неравномерно [3]. Вместе с тем финансовая стабильность важна для граждан развитых стран. В этой связи имеется большая неопределенность с положительной оценкой создающей роли понятий «либеральный международный порядок», «глобальные общественные блага» [11].

Какова должна быть при этом мировая институциональная система? Как управлять сложившейся экономической взаимозависимостью? Возможно ли применять неортодоксальные рецепты для осуществления мгновенной реконфигурации мировой экономики и каковы будут институциональные издержки применения данных рецептов? Важно учитывать и то, насколько складывающаяся система глобального экономического регулирования отвечает современным вызовам цифровизации и цифровой экономики [5. – С. 120–121].

Постепенно в мире на фоне эскалации торгового конфликта между США и Китаем наступает осознание того, что в международной торговле ключевые вопросы связаны не с таможенными пошлинами, а с такими

асpekтами, как защита инвестиций, окружающей среды и интеллектуальной собственности, субсидирование государственных предприятий, регулирование интернет-торговли и потоков больших данных. Формируются все новые региональные соглашения (как на азиатском, так и на западном направлениях), но, по оценкам экспертов, необходимо, чтобы доверие к многосторонней торговой системе было восстановлено. Таким инструментом должно, в частности, стать новое Евро-Тихоокеанское партнерство (ЕТП), которое потенциально можно заключить между странами Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для Транстихоокеанского партнерства (ВПСТПП) и странами ЕС [12]. ЕТП будет достаточно весомым, поскольку сосредоточит около 30% мирового ВВП и до 40% объема международной торговли. Создать данную конструкцию несложно, поскольку необходимо лишь консолидировать имеющиеся соглашения, на базе которых оно создается. ЕТП должно быть открытым для других стран; оно как бы переформатирует многостороннюю торговую систему, перезагружает ее. В специальной литературе даже предлагаются основополагающие принципы, на базе которых может быть создано ЕТП. Вместе с тем, продвигая уже объективно аморфные, неопределенные идеи, следует отметить, что новое соглашение не является инструментом для спасения мультилатерализма. Нам представляется, что как конструкция международной экономической интеграции концепция ЕТП может учесть недостатки и слабости существующей многосторонней торговой системы и будет служить временным инструментом предотвращения торговых конфликтов.

Для разработки новых направлений экономической политики в масштабах мировой экономики необходимо принимать во внимание, что современная «трампономика» выстраивается преимущественно на агрессивном введении протекционистских пошлин, атаках на ФРС и несвоевременном бюджетном стимулировании. Согласно идеям сторонников такой политики, таможенные пошлины не являются барьером для эффективного функционирования ГЦСС и также не являются налогами на потребителей.

Эксперты указывают на несколько недостатков в экономической политике Д. Трампа:

1. Снижение налога на прибыль преподносится как фактор роста конкурентоспособности американской экономики, однако здесь не учитываются предельные значения государственного долга и бюджетного дефицита (бюджетные инициативы лишь перераспределяют налоговое бремя на другие секторы экономики).

2. Введение таможенных пошлин игнорирует закон Смута – Хоули (1930), который к 1932 г. привел к снижению торговли на 50%. Для США – чистого должника внешняя торговля обеспечивает 28% ВВП (в 1929 г. –

лишь 11%), поэтому страна стала более уязвимой, чем когда она была чистым кредитором.

3. Политическая независимость ФРС США (возможность проведения жесткой монетарной политики в соответствии с законом Хэмфри – Хоукинса от 1978 г.) – серьезнейший прорыв, достигнутый после высокой инфляции в 1970-е гг. Нападки со стороны Д. Трампа на эту независимость могут иметь серьезные негативные последствия.

4. Непонимание взаимосвязей между таможенными пошлинами, дефицитом бюджета и монетарной политикой. В случае когда дефицит бюджета отрицательно сказывается на невысоком уровне внутренних сбережений, рост дефицита внешней торговли служит инструментом заполнения данной пустоты на основе профицита сбережений зарубежных стран. Если не учитывать эту связь, то можно обвинить Китай в торговом дефиците, который, собственно, и был создан США. Однако ввиду того, что пошлины переключают торговлю и ГЦСС с дешевых производителей Китая на более дорогостоящих из альтернативных стран, то американские потребители ощутят рост налогов, а это потенциально усиливает риски увеличения инфляции. Последнее губительно уже для монетарной политики США.

Не следует забывать и о временных лагах: когда дефицит бюджета растет, низкие процентные ставки снижают стоимость обслуживания задолженности лишь в краткосрочной перспективе, тогда как в долгосрочной перспективе нужно учитывать интенсивный прирост федерального долга (его рост ожидается в ближайшие десять лет в размере 14%).

Заключение

Как мы видим, в сфере международной торговли, прямых иностранных инвестиций в масштабах мирового хозяйства назревают серьезные изменения. Последние вызваны множеством доминирующих факторов: усилением неравномерности экономического развития, обострением торговых конфликтов и переформатированием сложившихся региональных интеграционных соглашений, неопределенностью монетарной и бюджетной политики отдельных стран. Представляется, что возврат к протекционизму как идеологии международного движения факторов производства будет тормозить развитие мировой экономики, станет негативной детерминантой экономического роста. Чтобы преодолеть стремление отдельных стран отойти от концепции свободного обмена, необходимо перестроить систему действующих торгово-инвестиционных соглашений между странами. Реконфигурация мировой экономики также предполагает усиление регионализма, и это в перспективе позволит как реконструировать систему многостороннего регулирования, так и разрешать проблематику крупных торговых конфликтов.

Список литературы

1. Лукьянов С., Кисляк Н. Входные барьеры: важнейший инструмент политики ограничения конкуренции на российских рынках // Современная конкуренция. – 2009. – № 1 (13). – С. 54–71.
2. Лукьянов С. А. Об определении отраслевых барьеров входа как центральной динамической характеристики отрасли // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 3–4 (19–20). – С. 115–120.
3. Мировая экономика и международные экономические отношения / под ред. В. В. Полякова, Р. К. Щенина. – М. : Юрайт, 2015.
4. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 57–69.
5. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Оценка трансформирующего воздействия глобальных цепочек создания стоимости на международную торговлю // Управленец. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 36–46.
6. Цифровая экономика и искусственный интеллект – новые вызовы современной мировой экономики / отв. ред. К. В. Екимова. – М. : Изд. дом ГУУ, 2019.
7. Berglof E. The Decline of Global Value Chains. 2020. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-trump-global-value-chains-by-erik-berglof-2020-01> (дата обращения: 28.01.2020).
8. China and the World: Inside the Dynamics of a Changing Relationship : Report. – 2019. – July. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/china-and-the-world-inside-the-dynamics-of-a-changing-relationship> (дата обращения: 20.07.2019).
9. Farmer R. E. A. Paying for the Welfare State Without Raising Taxes // Project Syndicate. – 2019. June 13. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/national-treasuries-social-care-funds-by-roger-farmer-2019-06> (дата обращения: 08.07.2019).
10. Harold J. A Future Without Currency Wars? // Project Sydicate. – 2019. – July 1. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/currency-wars-global-money-by-harold-james-2019-07> (дата обращения: 12.07.2019).
11. Joseph S., Nye J. Power and Interdependence in the Trump Era // Project Syndicate. – 2019. – July 3. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-power-and-interdependence-in-trump-era-by-joseph-s-nye-2019-07> (дата обращения: 12.07.2019).
12. Laidi Z., Takemori S., Tiberghien Y. Toward a Euro-Pacific Partnership // Project Syndicate. – 2019. – July 5. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/euro-pacific-partnership-support-for-multilateralism-by-zaki-laidi-et-al-2019-07> (дата обращения: 10.07.2019).

13. *Manyika J., Lund S. Bughin J., Woetzel J., Stamenov K.* Digital Globalization: a New Era of Global Flows. McKinsey Global Institute, 2016. – March.

14. *Mauldin J.* Your Pension Is a Lie: There's \$210 Trillion Of Liabilities Our Government Can't Fulfill // *Forbes*. – 2017. – October 10. – URL: <https://www.forbes.com/sites/johnmauldin/2017/10/10/your-pension-is-a-lie-theres-210-trillion-of-liabilities-our-government-cant-fulfill/#5cd89c4665b1> (дата обращения: 11.07.2019).

15. *Pazarbasioglu C.* As the Global Economy Slows, Spare a Thought for the World's Poorest // *Soyh China Morning Post*. – 2019. – June 26. – URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3016140/global-economy-slows-spare-thought-worlds-poorest> (дата обращения: 03.07.2019).

16. *Roubini N.* The Risk of a 2020 Recession and Crisis is Growing // *The Guardian*. – 2019. – June 14. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/jun/14/the-risk-of-a-2020-recession-and-crisis-is-growing> (дата обращения: 15.07.2019).

17. *Sheng A., Geng X.* Corporate America in the Crossfire // *China-US Focus*. – 2019. – June 26. – URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/corporate-america-in-the-crossfire> (дата обращения: 16.07.2019).

18. *Taylor J. B.* Restoring Fiscal Order in the United States. 2020. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/restoring-fiscal-order-in-united-states-by-john-taylor-5-2020-01> (дата обращения: 27.01.2020).

19. *Woetzel J., Seong J.* The Value of Global China // *The Korea Times*. – 2019. – July. 14. – URL: <https://qoshe.com/the-korea-times/jonathan-woetzel-and-jeongmin-seong/value-of-global-china/43203072> (дата обращения: 18.07.2019).

20. *Woods N.* Can Multilateralism Survive the Sino-American Rivalry? // *Project Syndicate*. – 2019. – July 8. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/can-multilateralism-survive-china-american-rivalry-by-ngaire-woods-2019-07> (дата обращения: 16.07.2019).

21. *Yongding Y.* The Next Phase of Trump's Trade War with China // *China-US Focus*. – 2019. July 5. – URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/the-next-phase-of-trumps-trade-war-with-china> (дата обращения: 06.07.2019).

References

1. Lukyanov S., Kislyak N. Vhodnye barery: vazhneyshiy instrument politiki ogranicheniya konkurentsii na rossiyskikh rynkah [Entry Barriers: the Most Important Instrument of Competition Policy in Russian Markets], *Sovremennaya konkurentsia*, 2009, No. 1 (13), pp. 54–71. (In Russ.).

2. Lukyanov S. A. Ob opredelenii otraslevykh barerov vhoda kak tsentralnoy dinamicheskoy harakteristiki otrasli [About Defining Industry

Entry Barriers as the Central Dynamic Characteristic of the Industry], *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2006, No. 3–4 (19–20), pp. 115–120. (In Russ.).

3. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya [World Economy and International Economic Relations], edited by V. V. Polyakov, R. K. Shchenin. Moscow, Yurayt, 2015. (In Russ.).

4. Smirnov E. N., Lukyanov S. A. Formirovanie i razvitie globalnogo rynka sistem iskusstvennogo intellekta [Formation and Development of the Global Market of Artificial Intelligence Systems], *Ekonomika regiona*, 2019, Vol. 15, – Issue 1, pp. 57–69. (In Russ.).

5. Smirnov E. N., Lukyanov S. A. Otsenka transformiruyushchego vozdeystviya globalnyh tsepochek sozdaniya stoimosti na mezhdunarodnuyu trgovlyu [Assessing the Transformative Impact of Global Value Chains on International Trade], *Upravlenets*, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 36–46. (In Russ.).

6. Tsifrovaya ekonomika i iskusstvennyy intellekt – novye vyzovy sovremennoy mirovoy ekonomiki [Digital Economy and Artificial Intelligence – New Challenges of the Modern World Economy], edited by K. V. Ekimova. Moscow, State University of Management, 2019. (In Russ.).

7. Berglof E. The Decline of Global Value Chains. 2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-trump-global-value-chains-by-erik-berglof-2020-01> (accessed 28.01.2020).

8. China and the World: Inside the Dynamics of a Changing Relationship, Report, 2019, July. Available at: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/china-and-the-world-inside-the-dynamics-of-a-changing-relationship> (accessed 20.07.2019).

9. Farmer R. E. A. Paying for the Welfare State Without Raising Taxes, *Project Syndicate*, 2019, Jun. 13. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/national-treasuries-social-care-funds-by-roger-farmer-2019-06> (accessed 08.07.2019).

10. Harold J. A Future Without Currency Wars? *Project Syndicate*, 2019, July 1. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/currency-wars-global-money-by-harold-james-2019-07> (accessed 12.07.2019).

11. Joseph S., Nye J. Power and Interdependence in the Trump Era // *Project Syndicate*, 2019, July 3. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-power-and-interdependence-in-trump-era-by-joseph-s-nye-2019-07> (accessed 12.07.2019).

12. Laidi Z., Takemori S., Tiberghien Y. Toward a Euro-Pacific Partnership, *Project Syndicate*, 2019, July 5. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/euro-pacific-partnership-support-for-multilateralism-by-zaki-laidi-et-al-2019-07> (accessed 10.07.2019).

13. Manyika J., Lund S., Bughin J., Woetzel J., Stamenov K. Digital Globalization: a New Era of Global Flows. McKinsey Global Institute, 2016, March.

14. Mauldin J. Your Pension Is a Lie: There's \$210 Trillion Of Liabilities Our Government Can't Fulfill, *Forbes*, 2017, October 10. Available at: <https://www.forbes.com/sites/johnmauldin/2017/10/10/your-pension-is-a-lie-theres-210-trillion-of-liabilities-our-government-cant-fulfill/#5cd89c4665b1> (accessed 11.07.2019).

15. Pazarbasioglu C. As the Global Economy Slows, Spare a Thought for the World's Poorest, *Soyh China Morning Post*, 2019, June 26. Available at: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3016140/global-economy-slows-spare-thought-worlds-poorest> (accessed 03.07.2019).

16. Roubini N. The Risk of a 2020 Recession and Crisis is Growing, *The Guardian*, 2019, June 14. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2019/jun/14/the-risk-of-a-2020-recession-and-crisis-is-growing> (accessed 15.07.2019).

17. Sheng A., Geng X. Corporate America in the Crossfire, *China-US Focus*, 2019, June 26. Available at: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/corporate-america-in-the-crossfire> (accessed 16.07.2019).

18. Taylor J. B. Restoring Fiscal Order in the United States. 2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/restoring-fiscal-order-in-united-states-by-john-taylor-5-2020-01> (accessed 27.01.2020).

19. Woetzel J., Seong J. The Value of Global China, *The Korea Times*, 2019, July. 14. Available at: <https://qoshe.com/the-korea-times/jonathan-woetzel-and-jeongmin-seong/value-of-global-china/43203072> (accessed 18.07.2019).

20. Woods N. Can Multilateralism Survive the Sino-American Rivalry? *Project Syndicate*, 2019, July 8. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/can-multilateralism-survive-china-american-rivalry-by-ngaire-woods-2019-07> (accessed 16.07.2019).

21. Yongding Y. The Next Phase of Trump's Trade War with China, *China-US Focus*, 2019, July 5. Available at: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/the-next-phase-of-trumps-trade-war-with-china> (accessed 06.07.2019).

Сведения об авторе

Евгений Николаевич Смирнов
доктор экономических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
мировой экономики и международных
экономических отношений ГУУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542,
Москва, Рязанский проспект, д. 99.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

Information about the author

Evgenii N. Smirnov
Doctor of Economics, Professor,
Head of Department for World Economy
and International Economic Relations
of SUM.
Address: State University of Management,
99 Ryazansky prospect, Moscow,
109542, Russian Federation.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru